

Масамити с восхищением смотрел на чёткий профиль Сино.

— Как сказала Мацуока, вы «чрезвычайно красивы» по современным меркам... и вы суперкрутой. Люди смотрят на вас дважды или трижды, когда мы вместе гуляем по городу. Но вы иногда внезапно исчезаете, и я паникую и начинаю искать вас. Это потому что...

— Я практикую устранение своего присутствия.

— Ты можешь это делать?!

Миндалевидные глаза Сино широко раскрылись от изумления Масамити.

— Чему ты удивляешься?

— Почему?

Увидев растерянный вид на лице Масамити, Сино усмехнулся с интересом.

— Когда я служил последователем Токифую в период Хэйан, я выделялся гораздо больше, чем мой господин, где бы я ни был и что бы ни делал, и он смеялся и говорил, что я не гожусь в тайные посланники. Я долго не мог понять этого, даже после освобождения в этом мире, но, по правде говоря, я стал намного лучше в этом с тех пор, как ты переехал.

— Что?!

Масамити приподнял голову с подушки от неожиданных слов. Но Сино только поднял уголок рта и выглядел всё более заинтересованным.

— Ты намеренно делаешь своё присутствие незаметным? Если да, то ты серьёзно талантлив.

— Я никогда ничего подобного не делал!

Несмотря на своё обычное спокойствие, Масамити не мог не занервничать, когда Сино сказал, что он делает своё присутствие незаметным. Впервые с тех пор, как они встретились, он пристально посмотрел на Сино.

— В классе и на работе люди всегда относились ко мне так, будто меня нет. Я не умею вступать в разговоры с другими, у меня нет тем для разговора или смелости начать болтать с людьми. Я никогда не был хорош в том, чтобы подходить к другим.

— Правда? Ты кажешься дружелюбным с людьми, которые заходят в магазин.

— Это из-за моего опыта работы в пабе. Босс всегда говорил на ежедневных собраниях приветствовать людей бодро, отвечать бодро и быть ярким и энергичным. Я старался изо всех сил, но казалось, что даже в ресторане воздух вокруг меня... моё присутствие... было мрачным. Поэтому меня уволили.

С глубоким вздохом самоотречения Масамити опустил голову на подушку, словно сдвинувшийся шарик.

Но, как ни удивительно, Сино ответил:

— Люди в конце концов глупы, раз не используют в полной мере эту твою черту.

— А? Черту?

— Если у тебя мало присутствия, не осознавая этого, ты можешь делать вещи незаметно, не привлекая внимания других.

— Может, ты прав. Но, с другой стороны, это также правда, что когда я хочу заказать или купить что-то в магазине и окликаю продавца, мне трудно быть замеченным.

Сино продолжал говорить с невозмутимым лицом, не обращая ни малейшего внимания на самоуничужение Масамити.

— Это потому что ты не умеешь внешне проецировать своё присутствие, свою волю.

— Ух!

Сино попал в больное место, и Масамити был озадачен.

— Этому можно улучшиться с практикой. Это должно быть намного проще, чем делать своё присутствие незаметным.

— Быть напористым нелегко. Для меня, по крайней мере. Я непримечательный, в отличие от тебя, Сино, я маленький и у меня мягкий голос. Мне нечего передавать.

— Дурак.

Оставаясь лежать на спине, Сино посмотрел на Масамити искоса и утомительно поднял руку. Затем он щёлкнул своего надувшегося слугу между бровями.

— Ой!

Этого было достаточно, чтобы Масамити схватился за бровь и взвизгнул от мучения.

Он не преувеличивал. Он почувствовал скорее шок, чем боль, как будто электрический ток хлынул от брови к мозгу.

— Сино, тебе не нужно было этого делать. Ты просто ударил меня током.

Сино, казалось, не смутился жалобой Масамити и сказал ему:

— Запомни это ощущение.

— А?

Масамити приподнялся на одном локте и склонил голову, другой рукой всё ещё прижимаясь к брови.

— Это где у тебя третий глаз. Ты практиковался открывать его несколько раз.

— О. Да.

Масамити потёр кончиками пальцев свои брови.

Вскоре после того, как он стал его слугой, Сино заставил Масамити практиковаться в чтении музыкальной шкатулки.

Сино научил его использовать свой третий глаз, который был скрыт под кожей между бровями, а не глаза, чтобы видеть сквозь сосуды души внутри - истинную сущность духов артефактов.

С тех пор он иногда практиковался, повторяя это, и теперь мог довольно плавно открывать свой третий глаз. Однако он ещё не был компетентен в чтении предметов и не мог хорошо закрыть третий глаз, и ему приходилось просить Сино закрыть его.

— Только не говори, что мне тоже нужно открывать третий глаз, когда я разговариваю с людьми?

— Я не говорю, что ты должен заходить так далеко. Но постарайся осознавать, что у тебя есть глаз, чтобы видеть суть вещей и человеческую природу. Это определённо изменит ситуацию. Твои намерения будут выстреливать из того третьего глаза и пронзать сердца других. Как стрела.

— Так это работает?

— Ты смеешь сомневаться в своём господине? Ты бесчестишь меня.

— Извините! То-то же. Вы даёте мне все эти советы, так что я сделаю всё возможное.

— Так и сделай. Но оставайся тем туповатым человеком, каким обычно бываешь. Безопаснее для слабых оставлять свою энергию скрытой. Ты, может, так не думаешь, но раствориться на заднем плане — это немалый талант. Тебе стоит ценить его.

— Я никогда не ожидал, что мой господин похвалит меня за это.

Масамити снова положил голову на подушку и расслабился.

Впервые кто-то похвалил его за его замкнутость и отсутствие присутствия, и тот факт, что это сделал Сино, с его огромным присутствием, казался забавным и делал его счастливым.

— Трава всегда зеленее по ту сторону забора, а?

— Что?

— Есть поговорка, что трава всегда зеленее по ту сторону забора, верно? Мне интересно, применимо ли это и к призракам, и завидуете ли вы вещам, которых у вас нет.

— Я ни капли не завидую тебе. Никоим образом.

— Правда. Я так обрадовался, что увлёкся.

Масамити извинился и тихо рассмеялся.

С тех пор как он себя помнил, люди говорили Масамити, что его застенчивая натура негативна и её нужно преодолевать. Он полностью осознавал это, но было неожиданной радостью услышать, что это то, что стоит ценить.

Мягкий золотистый свет начал исходить из его полностью расслабленного тела.

Это было проявление энергии Масамити.

Сино лизнул язык, как хищник, пускающий слюни.

— Ты так счастлив, что я сделал тебе маленький комплимент?

— Да, это так. Мне никогда не делали комплиментов.

Сино протянул руку и притянул к себе Масамити.

В первую ночь, когда они спали рядом, Сино чуть не изнасиловал Масамити, чтобы украсть его энергию. Но после того, как Масамити отказался изо всех сил, не было никаких признаков, что Сино повторит такое варварство.

Масамити рефлекторно дёрнулся, когда Сино соприкоснулся с его телом, но руки, держащие его за талию, не делали сексуальных движений. Его единственной целью было держать тело Масамити близко к своему, чтобы он мог эффективно поглощать его ци.

Я удивлён, что призраки в этом смысле джентльмены. Или, может быть, просто они верны своим контрактам.

Масамити позволил своим мыслям блуждать, пытаюсь расслабиться.

Сино спас жизнь Масамити в ночь их первой встречи. И в ответ он потребовал, чтобы Масамити стал его слугой, чтобы он мог есть его.

У Масамити не было выбора, кроме как принять это условие, если он хотел жить. Но для него секс должен быть актом взаимной привязанности, а не средством кормления кого-либо.

Хотя неохотно и раздражённо, Сино принял отказ Масамити заниматься с ним сексом.

— Человеческий язык полон различий во мнениях, что затрудняет создание контрактов без лазеек.

Он иногда жаловался, и их прижимание друг к другу было типичным примером такого рода лазейки.

В любом случае, Масамити был благодарен и облегчён, что Сино позволил ему отделаться прижиманием под одеялом, чтобы дать ему энергию.

Их болтовня прекратилась, и в комнате внезапно стало тихо.

Была поздняя ночь, движение на улице практически прекратилось, и единственное, что они могли слышать, были слабые щебетания птиц, которые пели ночью, возможно, в соседнем парке.

— Моя энергия так вкусна? — шёпотом спросил Масамити, с изумлением наблюдая, как его энергия мягко освещает темноту.

Сино в какой-то момент закрыл глаза и со вздохом сказал:

— Да.

— Лучше, чем те пельмени, которые ты приготовил сегодня вечером, которым нет равных ни в одном ресторане?

— Это несравнимо. Человеческая энергия... особенно твоя... это нектар. Он проникает в каждый уголок этого временного сосуда, которым ты являешься.

— Настолько? Интересно, это как для меня мёд.

— Возможно. Эта прекрасная энергия напоминает мне вкус твоей плоти и крови в ту ночь, когда я нашёл тебя. Это тоже было...

— Давай не будем касаться этой темы... Разве это не противоречит твоему контракту с Токифую отрывать мои конечности и есть их?

— Верно. Это бесит.

Несмотря на обиду в его тоне, Сино, должно быть, был в хорошем настроении благодаря энергии Масамити. Его профиль был спокоен, как у статуи.

Решив, что можно продолжать разговор, Масамити вернулся к тому, о чём спрашивал ранее.

— Так Токифую учил тебя играть на драконьей флейте?

Брови Сино слегка нахмурились, но он ответил утвердительно, его глаза всё ещё были закрыты.

— Да. Клянусь, я не просил его учить меня. Он хотел научить меня. Когда я научился играть на ней, он сказал, что будет «играть на хитирики - двойной тростниковой флейте или шо, похожей на флейту Пана, и мы будем весело выступать вместе». Он был хлопотным человеком, который придумывал всякую ерунду.

Сино высмеял то, как Токифую говорил это своим вечно спокойным и мягким образом.

Одно только слушание Сино давало Масамити впечатление, что Токифую любил Сино. Было немного смешно и немного грустно, что Сино, казалось, не осознавал этого.

— Тогда ты, должно быть, усердно практиковался, раз тебя учил господин.

— Я? Усердно практиковался? Никогда.

— Не практиковался?

Сино слегка пожал плечами.

— У драконьей флейты есть мундштук и семь отверстий для пальцев. Она довольно проста, состоит из отверстий, просверленных в бамбуке.

— Да, я видел это, когда ты дал мне её подержать. Кажется, что извлекать звуки на ней было бы трудно.

— То, как закрываются отверстия для пальцев, может привести к потере звука или изменению тона. Когда дуешь в мундштук, угол и сила дыхания также меняются. Нужно различать гармонию, создаваемую нижними нотами, и высокие энергичные звуки по тому, как дуют, а не по аппликатуре.

— Звучит сложно.

— Так и есть. Кроме того, тогда я был гораздо более вспыльчивым и темпераментным, чем сейчас. Однако ты, наверное, не можешь представить это по тому, какой я щедрый, — сказал Сино, открыв глаза и глядя искоса на Масамити.

Не в силах понять, шутит он или серьёзен, Масамити просто смущённо кивнул.

— Ты иногда отказывался практиковаться?

— Не только это, я часто ломал флейты, на которых Токифую заставлял меня играть.

— Вау. Это, должно быть, его злило.

— Он не злился. Я ни разу не видел, чтобы он выглядел расстроенным.

Масамити удивился.

— Может быть, это были дешёвые флейты для начинающих. Поэтому он не злился, когда ты их ломал?

Словно вспоминая далёкое воспоминание, Сино перевёл взгляд на сплетённый бамбуковый потолок и пробормотал про себя.

— Токифую поднимал флейты, которые я сломал, и пытался починить их. Он использовал клей, рис, сосновую смолу... и различные другие материалы, но даже после склейки трубок он не мог заставить их снова звучать правильно.

Масамити нахмурился.

— Это печально.

— Токифую, казалось, тоже так думал. Его голова бессильно опускалась, когда он держал сломанную флейту. Я думал, что это научит его.

— Это ужасно!

— Это было давно. Не торопись винить своего господина. Я сказал ему, что это его вина, что он пытался научить призрака играть на флейте, и вот что он тихо сказал...

— Правда, что эта флейта далека от шедевра. Но если её починить и использовать бережно, она прослужит много десятилетий. Она обретёт характер, переходя от одного человека к другому, и, возможно, однажды будет издавать вкусные звуки.

Сино не делал преувеличенной попытки звучать как Токифую. Он просто имитировал его тон и голос.

И всё же Масамити думал, что это голос того человека, который звучал в его ушах.

Я никогда не встречал его и никогда не слышал его голос. Так почему я так чувствую?

Заинтригованный, Масамити продолжал молча слушать рассказ Сино.

— Жизнь обитает во всех вещах. Человек, зверь, насекомое, дерево, растение, призрак... и даже утварь может иметь жизнь. Ты не просто сломал ту флейту в момент разочарования. Ты разбил сосуд для жизни, которая, возможно, когда-нибудь обитала бы там. Это очень греховно, Сино.

Масамити закрыл глаза и слушал. Чувствуя, будто Токифую шепчет ему на ухо, он медленно открыл глаза.

Сино всё ещё смотрел на потолок. Однако его глаза, казалось, были сосредоточены где-то далеко-далеко.

— Что ты сделал, когда он это сказал?

— Я дулся.

— Пфф! Ох, извини. Но я могу это представить.

— Заткнись. Он проповедовал мне, я разозлился и огрызнулся. И что? Я демон, который разрывал людей и пожирал их, пока он не поймал меня. Какая разница, если я сломал какую-то жалкую флейту и разрушил жизнь, которая, возможно, когда-нибудь была бы там? Вот что я на самом деле думал.

— Ладно...

— Но Токифую больше ничего не сказал. Он прижал сломанную флейту к груди и ушёл. Он казался подавленным, что было редко. Но на следующий день он положил передо мной новую флейту. Я сломал и её, и так продолжалось и продолжалось. В конце концов, я сдался и научился играть на ней достаточно хорошо, хотя и не стал бы играть в ансамбле с ним.

— Не стал?

— Ни за что. У меня не было интереса угождать ему... но после того, как я стал свободен в этом мире и Дайдзо показал мне драконью флейту, меня охватило странное чувство.

— Что за чувство? — мягко спросил Масамити.

Сино подумал несколько секунд, словно ища ответ, и тихо сказал:

— Чувство ностальгии.

Рука Масамити сжала переднюю часть собственной пижамной рубашки.

Слова Сино, казалось, подводили итог его воспоминаниям о периоде, столь отдалённом и с вихрем различных эмоций, так внезапно, что Масамити становилось головокружение от одной мысли об этом.

Но Сино продолжал говорить ровным, бесстрастным тоном.

— У призраков нет множества эмоций, которые есть у вас, людей. У нас есть эмоции, но нет такой вещи, как печаль. Однако, когда Дайдзо вручил мне флейту, я испытал странную муку. Я больше не мог сломать её.

— Почему это?

— Не знаю.

Коротко и отрывисто ответив, Сино повернул голову и посмотрел прямо на Масамити.

— После того как я пришёл сюда и увидел, как Дайдзо обращается со старыми, казалось бы, бесполезными предметами и чинит их, как будто они сокровища... и осознав, что в тех вещах обитают души и становятся духами артефактов, я понял, что слова Токифую не были ложью.

— Ладно. Верно. В этом магазине много духов артефактов, ждущих появления новых хозяев. Эй, это воспоминание - причина, по которой ты начал этот бизнес как посредник для духов артефактов? Как будто ты искупаешь вину за сломанные те флейты?

Голос Масамити был оживлённым; ему казалось, что он соединил точки. Но Сино немедленно отреагировал, бесстрастно.

— В отличие от тебя, я не настолько похвален. У призраков нет концепции искупления грехов. Это просто эгоистичные разговоры среди людей, чтобы аннулировать свои проступки.

— М-м. Может, ты прав, но...

— Когда Токифую умер, это был первый раз, когда я почувствовал то, что он называл жизнью.

Масамити сильнее сжал пижаму, не осознавая этого.

— Ты уже был запечатан в кувшине, когда он умер, верно?

— Верно. С тех пор как он захватил меня и сделал своим слугой, я думал, что однажды одержу над ним победу. Но я не смог этого сделать.

Сино приподнял бровь на несколько миллиметров, затем опустил взгляд.

— Я отправил своё сознание из кувшина и наблюдал за его трупом. Не имея семьи, некому было оплакивать его, и его останки были брошены в поле.

— Это ужасно!

— Тогда это было не редкостью, — сказал Сино. — Умный человек, который обманул меня, скрутил меня своими уловками, всегда смеялся над всей ерундой вокруг, стал немым обломком с лицом, как маска. Это была лишь потеря одной маленькой жизни, и его останки превратились в пустой сосуд.

— Сосуд.

— Верно. Я наблюдал, как этот сосуд разрушается из кувшина, в котором я был. Я наблюдал, как вороны и бродячие собаки пожирают белую кожу и красную плоть. Нежное лицо постепенно становилось красновато-чёрным и опухшим, а затем таяло, как липкая грязь, и белый череп обнажался... и он наконец рассыпался и вернулся в почву. Я просто наблюдал. Десятилетие за десятилетием.

— Сино.

Масамити не знал, что сказать. Всё, что он мог сделать, это произнести имя Сино. Он отпустил пижаму и коснулся холодной, широкой груди Сино.

— Почему ты плачешь?

— А?

Масамити ахнул. Он моргнул на вопрос Сино, и слёзы потекли по его щекам.

— О. Я не осознавал, что плачу. Это так грустно.

— Грустно? Что? Кто?

— Ты!

Масамити не мог не звучать удручённо, но Сино отверг эту идею.

— У меня нет чувства печали. Я говорил тебе это раньше.

— Но!

— Всё, что я чувствовал, это то, что жизнь удивительна. Когда человек лишён жизни, он становится комком мяса. С другой стороны, если душа обитает в сосуде, он становится духом артефакта, который живёт гораздо дольше человека. Я... действительно ломал флейты, которые были сосудами для жизни. Те флейты могли стать духами артефактов. Я до сих пор не считаю это преступлением, но не хочу повторять. Вот и всё. Тебе не о чем плакать.

Масамити молча вытер слёзы, не говоря ни да, ни нет, затем придвинулся ближе к Сино - достаточно близко, чтобы положить голову ему на плечо.

— Что ты, по-твоему, делаешь?

— Не знаю. Но я не могу сдержаться - если ты не против.

— Я не понимаю, — сказал Сино, несколько озадаченный.

— Хм?

— Ты начинаешь плакать, когда всё, что я сделал, это рассказал тебе старую историю, и твоя энергия стала гуще и слаще. Понятия не имею, что происходит.

— Теперь, когда ты это упомянул... — пробормотал Масамити, прижимая лоб к твёрдым плечам Сино.

Он мог сказать, что золотая энергия, излучаемая его телом, стала сильнее, чем раньше.

Бледно-золотой мерцающий свет теперь окружал его и тело Сино, словно неосязаемое одеяло, покрывающее их.

— Но это не плохо, да?

— Нет. Не плохо.

Масамити знал, что когда Сино говорил это, он имел в виду, что это довольно хорошо.

— У тебя есть я.

Сино нахмурился.

— Мне не нужно, чтобы мне говорили. И что?

Слова Сино были холодными, но его ладонь, всё ещё держащая талию Масамити, сделала лёгкое движение, подтверждающее его физическое присутствие.

Это, вероятно, было неосознанным жестом, и Масамити улыбнулся.

— Ничего. Извини... что заставил тебя так много говорить. Можно я спрошу ещё об одном?

— Что?

Масамити набрался смелости и спросил:

— Почему ты сидел в шкафу, когда я пришёл в твою комнату? Не знаю, подходящее ли сейчас время поднимать это, но мне было любопытно.

Нехарактерно для него, Сино потерял дар речи, затем издал низкий стон и пробормотал, словно не желая отвечать.

— Ёрико отругала меня, когда я впервые играл на драконьей флейте здесь.

— А?!

— Она редко злилась, но в тот раз была довольно серьёзна, говоря, что грабитель придёт, если я буду играть на флейте ночью.

— Ха-ха-ха-ха. Я думал то же самое. Моя бабушка тоже говорила, что грабитель придёт, хотя мой дед говорил, что змея придёт в наш дом. В любом случае, они говорили мне, что музыка флейты ночью приносит нежеланное.

Сино поморщился от отвращения.

— Ты тоже? Люди верят в такие глупые суеверия. Я сказал Ёрико не беспокоиться об этом, сказав, что я прогоню всё, что придёт. Тогда она отругала меня под другим углом.

Это заинтересовало Масамити.

— Под другим углом? Что это было?

— Она сказала, что это беспокоит соседей.

— Ха-ха-ха-ха. Конечно.

— Дом может быть зажат между парковкой и складским сараем, но звук драконьей флейты настолько громкий, что его можно услышать через три дома. Она очень чётко дала понять, что если мне нужно играть на ней ночью, делать это в шкафу.

Масамити представил, как Сино съёживается, когда его отчитывает маленькая пожилая женщина, и изо всех сил старался не рассмеяться. Тем не менее, он не мог избежать широкой улыбки, и Сино пристально посмотрел на него.

— Эй, не радуйся. Это старая история о позоре, который пережил твой господин.

— Знаю, но... думать, что всё это время ты делал, как она сказала, и поэтому ты сидел в том шкафу...

— Да?

Масамити проглотил слова «Это так мило», которые почти вырвались у него изо рта.

Он был уверен, что если он скажет это, ему не сойдёт с рук. Вместо этого ему удалось

придумать что-то другое.

— Я думаю, ты добросовестный.

— Конечно. Я многим обязан им за то, что дали мне еду и кров. Даже после смерти Ёрико и Дайдзо я не буду делать ничего, что повредит их репутации.

Масамити снова стал серьёзным, глядя на лицо Сино вблизи, и сказал:

— Я думаю, это замечательная черта. Я уважаю тебя за это.

— Не нужно тебе говорить это по каждому поводу. Естественно для слуги уважать своего господина.

— Верно, — коротко ответил Масамити, отворачиваясь, чтобы Сино не увидел его улыбки.

Он думал, что Токифую, должно быть, дал Сино отличную тренировку, хотя, вероятно, было мудро не говорить этого.

Вместо этого он сказал:

— Мне как-то хочется спать.

— Конечно. Я забрал твою энергию. Расслабься и поспи. Я не съем твоё тело до дня твоей смерти.

— Пожалуйста, не надо. Ну, тогда... спокойной ночи.

Логично, что Сино не ответил бы ему спокойной ночи. Казалось, что ни Токифую, ни Ёрико, ни Дайдзо не смогли приучить его к человеческой привычке приветствий и прощаний.

И всё же эта упрямость типична для Сино, подумал он, чувствуя, как тело Сино согревается теплом Масамити, и погрузился в мирный сон.

<http://bllate.org/book/13974/1320077>